

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ПОЭЗИИ К. БАЛЬМОНТА

Калугина Т. В.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: tvkalug@mail.ru

В статье рассмотрено функционирование отрицательных местоимений в поэзии К. Д. Бальмонта. Объектом рассмотрения в данной статье будут только отрицательные местоимения *никто*, *ничто*, *никакой*, *ничей*, *нисколько*, *никак*, *нигде*, *никуда*, *ниоткуда*, так как мы считаем слова *некого*, *ничего*, *негде*, *некуда* отдельным лексико-грамматическим разрядом, совмещающим признаки местоимений и безлично-предикативных слов и исключаем их из разряда отрицательных местоимений. Сравнивая лингвоцентрический и антропоцентрический подходы к отрицательным местоимениям, автор приходит к выводам об усложненной семантической структуре в поэтическом тексте. Отрицание и забвение в поэтическом мире К. Бальмонта тесно связаны. Лирический герой стремится получить забвение, присущее природной стихии. Выявлены такие характерные для К. Бальмонта приемы, как лексический повтор и сочетания отрицательных местоимений. Показана взаимосвязь отрицательных местоимений как средства выражения категории отрицания и дуалистической философии поэта. Метафизика отрицания, заключенная в префиксе *ни-*, чрезвычайно важна для поэта и противопоставлена обобщенности. Она взаимосвязана с забвением, небытием. Антиномия *всё – ничто* в поэтическом мире К. Бальмонта опирается на китайскую традиционную философию – даосизм и переключается с антиномией *да – нет*.

Ключевые слова: местоимения, отрицательные местоимения, К. Бальмонт, великое Ничто, лирический герой, текстовый смысл.

ВВЕДЕНИЕ

Поэтический текст неизменно остается в фокусе зрения исследователей. Современных ученых интересует, как влияют экстралингвистические факторы на семантику языковых единиц. Как отмечает Н. М. Азарова, «XX век характеризуется сближением и взаимопроникновением философского и поэтического дискурсов; философский текст проявляет себя как инотипный текст, не являющийся антиподом художественного» [1, с. 9]. Влияние религиозно-философских идей на поэзию поэтов-символистов отмечено многими исследователями. Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта глубоко рассмотрела Г. В. Цыкунова [9]. Она отметила, что «древнеиндийские и китайские учения привлекали Бальмонта не только необычностью и метафоричностью символично-мистических идей и образов этих религий, но и тем, что их общемировоззренческие основы в целом отвечали внутренним потребностям поэта» [9, с. 8].

Функционирование неопределенных местоимений в тексте было объектом изучения Л. А. Горшковой [4]. На проблему формирования текстовых смыслов на материале функционирования местоимений в дневниках обратила внимание О. В. Мякшева [6]. По её мнению, семантика местоимений, заявленная в рамках системноцентрической парадигмы, существенно корректируется в конкретных

текстах, и эта корректировка может быть систематизирована с учетом стилевых, жанровых и некоторых других характеристик текста [6, с. 289].

Мы, вслед за Е. Н. Сидоренко [8], считаем, что в современном русском языке отрицание в системе местоимений является одним из пяти типов прономинальной семантики. На основе семантики отрицания построено выделение в самостоятельный семантический разряд отрицательных местоимений. Традиционно сюда относят слова, имеющие местоименные корни в сочетании с приставками *не-* или *ни-*: *никто*, *никакой*, *ничей*, *нигде*, *никуда*, *никак*, *некогда*, *незачем*, *ничего*, *некого*, *неоткуда* и другие. Как известно, существует широкий и узкий взгляд на объем местоимений. Широкий подход включает местоимения, категориально соотносительные с наречиями. Узкий считает их «местоименными наречиями», что отражено в школьной программе и учебниках. Мы считаем, что это создает дополнительные трудности для методики обучения русскому языку как родному, так как нарушает внутреннюю логику выделения местоимений как части речи, которая служит ядром языковой категоризации по выражаемым языковым смыслам «предметность», «признак предмета», «количество», «признак признака».

Необходимо подчеркнуть разницу в семантике отрицательных местоимений с префиксом *ни-* и местоименно-предикативных контаминантов с префиксом *не-*. Префикс *ни-* имеет значение отрицания самого языковых смыслов «предмета», «признака», «времени», «места», «количества». Мы считаем слова *некого*, *ничего*, *негде*, *некуда* отдельным лексико-грамматическим разрядом, совмещающим признаки местоимений и безлично-предикативных слов и исключаем их из разряда отрицательных местоимений [5]. Поэтому объектом рассмотрения в данной статье будут отрицательные местоимения *никто*, *ничто*, *никакой*, *ничей*, *несколько*, *никак*, *нигде*, *никуда*, *ниоткуда* в поэзии представителя «серебряного века» Константина Дмитриевича Бальмонта.

Актуальность исследования заключается в рассмотрении отражения через призму отрицательных местоимений особенностей религиозно-философского мировосприятия поэта.

Цель статьи – рассмотреть роль смысловых коннотаций отрицательных местоимений в поэзии яркого представителя Серебряного века К. Д. Бальмонта, которые ранее не были объектом изучения.

Художественно-философский потенциал отрицания как философско-языковой категории отражается в отрицании языкового смысла, являющегося ономазиологическим базисом. Префикс *ни-* выступает в роли ономазиологического признака отрицательных местоимений. *Никто* – отрицание бытия лица, *ничто* – отрицание бытия предмета, *никакой* – отрицание признака предмета, *ничей* – отрицание принадлежности предмету, *несколько* – отрицание количества, *никак* – отрицание образа и способа действия, *нигде* – отрицание места, *никуда* – отрицание направления в конечную точку движения, *ниоткуда* – отрицание направления из конечной точки движения. Однако это общеязыковые смыслы отрицательных местоимений. В художественной речи мы встречаем как общеязыковые, так и индивидуально-авторские смыслы, которые выходят за рамки номинации в

метафизическую реальность внутреннего мира автора. Обратимся к рассмотрению этой внутренней реальности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Как уже говорилось, семантически группа отрицательных местоимений характеризуется тем, что указывает на отрицание предметов, признаков, количеств, признаков признаков. Грамматические отрицательные местоимения характеризуются категориальной соотносительностью с именами существительными, именами прилагательными, именами числительными, наречиями. Отрицательное местоимение *никто* категориально соотносится с именем существительным, то есть передает отрицание предмета в широком смысле слова. Далее это отрицание включает отрицание предмета в узком смысле и отрицание лица. Экзистенциальная оторванность от других людей выражается в стихотворении К. Бальмонта «В тюрьме». Основной мотив – забытость, оставленность друзьями в стране, «где лишь варвары, звери да ночь»:

*...Мы забыли о солнце, звездах и луне,
И никто нам не может помочь* (2, с. 63).

Как первооткрыватель заявляет себя поэт в стихотворении «Проповедникам», прибегая к использованию местоимения *никто* в Творительном падеже, говоря о полногласности сонета, «не найденной пока еще никем!» (2, с. 67).

В общеязыковом смысле местоимение *никто*, как говорилось, служит для отрицания лица:

*Он вдруг, без всякой видимой причины,
Лишился вкуса, отдыха и сна,
Но никому не сказывал причины* (2, с. 43).

Трагическое одиночество и оторванность лирического героя от людей присутствуют и в стихотворении «К Лермонтову». Поэт стоит выше других людей, за что его душа несет невыразимые и непонятные другим людям муки. К. Бальмонт использует антитезу, чтобы выразить причины любви к творчеству М. Ю. Лермонтова. С одной стороны, он отмечает гениальность поэта, с другой стороны, не она служит причиной любви, а тоска и страстный пыл «*ни с кем не разделяемых мучений, За то, что ты нечеловеком был*» (2, с. 75).

Категория отрицания здесь ярко выражена разными способами: и отрицательным словом *нет*, и отрицательной частицей *не*, и усилением отрицания в отрицательном местоимении, и префиксом *не-* в окказионализме *нечеловек*. Благодаря этим языковым средствам К. Бальмонту удалось тонко передать противопоставленность поэта толпе бездушных людей с их мелкими страстями.

Таким же возвышенно-одухотворенным предстает образ поэта в стихотворении «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...». Ощущающий власть над миром, победивший «холодное забвенье», герой «исполнен откровенья» и стоит выше других людей благодаря этому, что подчеркивается лексическим повтором отрицательного местоимения *никто*:

*Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто* (2, с. 84).

Местоимение ничто. Однако в творчестве К. Бальмонта это отрицание выходит далеко за рамки обычного языкового значения. Формируется романтическая антитеза «бытие – небытие». В стихотворении «В тюрьме» реальный мир – вечная тюрьма, в которой отрицание становится жуткой пустотой, подчеркнутой лексическим повтором отрицательного местоимения *ничего*. Дополнительными средствами выразительности становятся эпитеты «холодный и грязный пол» и «вечная тюрьма».

*И упорно и долго глядим в полумглу:
Ничего, ничего в этой тьме!*

Отождествляя себя с этим местоимением, поэт отождествляет себя с небытием. Таким образом, художественный текст выходит за рамки языкового смысла в метафизическую реальность.

*И я ничто – зверям незрячим,
Но зренью светлых – я расцвет!* (2, с. 34).

Отсутствие желаний и смерть объединяются в единое целое:

*Можно жить с закрытыми глазами,
Не желая в мире ничего,
И навек проститься с небесами,
И понять, что все вокруг мертво* (2, с. 56).

Еще далее в небытие уводит местоимение *ничто*, синонимичное по смыслу слову *безвестность*, в стихотворении «Песнь араба»:

*Есть странная песня араба, чье имя – ничто.
Мне сладко, что этот поэт меж людей неизвестен* (2, с. 158).

Но, пожалуй, наиболее метафизично звучит местоимение «ничто» в стихотворении «Великое Ничто», где под ним подразумевается понятие китайской философии эпохи Сун (960 – 1279). Оно приводится в виде реминисценции из повествования Чванг-Санга (Чжуан-цзы), оформленном при помощи кольцевой композиции. Необходимо также отметить насыщенность местоимениями разным семантическим разрядам, что говорит о значимости этого лексико-грамматического разряда слов для поэта. В стихотворении используется и неопределенное местоимение *кто-то*, и местоименно-союзный контаминант *кто*, и личные местоимения 1-го и 2-го лица *я* и *ты*:

*Там смутный кто-то, – я не знаю кто, –
Ронял слова печали и забвенья:
«Бесчувственно **Великое Ничто**,
В нем я и ты – мелькаем на мгновенье.
<...>*

*Бесчувственно **Великое Ничто**,
Земля и небо – свод немого храма.
Я тихо сплю, – я тот же и **никто**,
Моя душа – воздушность фимиама»* (2, с. 134).

Как отмечает П. В. Поролю, «в основе создания стихотворения «Великое Ничто» лежит китайская философская идея небытия, восприятие поэта основывается на

глубоких знаниях культуры и философии Китая» [7, с. 7]. В истории европейской философии «Ничто» являлось средством создания панлогизма бытия, преодоления «забвения бытия», выявления сущности сознания [3, с. 42]. Выскажем предположения о том, что в философии К. Д. Бальмонта соединены и китайское «Великое Ничто», и ницшеанское «Ничто» как способ преодоления бренности мира.

Местоимения как часть речи характеризуются прономинальным способом отражения действительности, при котором за словом не закреплено определенное содержание, однако у К. Д. Бальмонта мы наблюдаем переход от прономинального способа отражения к номинативному и даже более того – к имени собственному, обладающему уникальным значением. Превращение местоимения в оним отражает символическое мировосприятие поэта. Можно говорить о том, что в поэзии К. Бальмонта мы встречаем две ипостаси местоимения *ничто* – общеязыковую и индивидуально-авторскую, имеющую глубокое философское наполнение. Без понимания особенностей мировосприятия поэта, смысл стихотворения ускользает от читателя.

Отрицание и забвение в поэтическом мире К. Бальмонта тесно связаны. Лирический герой стремится получить забвение, присущее природной стихии. Поэт использует риторическое обращение к ветру с просьбой дать ему забвение:

*О неверный! Ветер, ветер,
Ты не помнишь **ничего** (2, с. 99).*

Забвение приносит не только ветер, но и солнечный луч, пронзающий мозг:

*Гляжу на мир. Не помню **ни о чем** (2, с. 144).*

В стихотворении «В домах» поэт проводит параллель между категорией состояния «ничего», обозначающей нормальное состояние объекта, и отрицательным местоимением «ничего», обозначающим отрицание предметов:

*«Ну, что же, ты счастлив?» – «Да что ж...**Ничего**...»
О да, **ничего** нет нелепей! (2, с. 107).*

Местоимение ничей. Описывая пение в царстве «бледных дев» в стихотворении «С морского дна», К. Бальмонт подчеркивает антитезу «всех – ничей» как единство противоположностей:

*И песня дев звучит во сне,
И тот напев **ничей**.
Ничей, ничей и вместе – всех,
Они во всем равны,
Один у них беззвучный смех
И безразличны сны (2, с. 92).*

Отметим, что эта же антитеза присуща раздвоенной душе поэта:

*Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей.
Я – для всех и **ничей** (2, с. 102).*

Делая отрицательное местоимение «ничей» ключевым словом, поэт подчеркивает это эпитетом и лексическим повтором. В стихотворении «Семицветник» первая строфа описывает ручей, отрицая его принадлежность кому-либо:

*А в трепете лучей поёт еще звончей,
Как будто говоря, что он **ничей, ничей** (2, с. 117).*

Проводя параллель между ручьем и Люси Савицкой, которой посвящено стихотворение, поэт вновь использует этот прием:

*Твоя душа – напев звенящего ручья,
Который говорит, что ты **ничья, ничья** (2, с. 117).*

Местоимение никак. Особое значение, вкладываемое поэтом в отрицание бытия и его качеств, им осознается в языковой рефлексии, средством выражения которой становится парцелляция внутри предложения:

*Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнь свою своей,
И не могу не быть – **никак** –
Вплоть до исхода дней (2, с. 62).*

Местоимение никогда. Отрицательное местоимение *никогда* обозначает отрицание времени и передает боль о прожитых годах и о растроченном впустую времени.

*Все, чем жил с тревогой, с наслаждением,
Все, на что надеялась любовь,
Проскользнуло быстрым сновидением,
Никогда не вспыхнет вновь (2, с. 27).*

В сонете «Разлука» поэт рассказывает о скитаниях лирического героя, о поисках метафизического смысла бытия, которого жаждет измученная душа. Стихотворение построено на мотиве дороги и антитезе родной и чужой стороны. Бродягу гонит в путь поиск ожидаемого инобытия. Но все надежды тщетны, что подчеркивается лексическим повтором местоимения *никогда*:

*Передо мной мелькают города,
Деревни, села с их глухим страданьем,
Но **никогда**, о сердце, **никогда**
С своим я не встречался ожиданьем (2, с. 70).*

Однако есть и прямо противоположный смысл у данного местоимения. Именно в инобытии поэт находит вечность и неизменность вне времени и пространства:

*Я покажу вам то, одно,
Что **никогда** вас не изменит,
Как камень, канувший на дно,
Верховных волн собой не вспенит (2, с. 76).*

О вечности говорится и в стихотворении «И да и нет», само название которого уже подчеркивает экзистенциальный философский вопрос о бытии и пакибытии, в котором, по мнению поэта, обретут единство как стихии, так и люди, и даже демоны:

*И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, -
И день не умрет **никогда, никогда!** (2, с. 80).*

Чтобы подчеркнуть мысль о том, что земное бытие окутано мистической тайной, К. Бальмонт в стихотворении «Колдунья» делает ключевым отрицание его постижения:

*Что сделал потом я? Что думал тогда?
Что было, что стало со мной?
Об этом не знать **никому никогда**
Во всей этой жизни земной (2, с. 150).*

В стихотворении «Голубая роза», посвященном озеру Люцерн, сочетание отрицательных местоимений *никто никогда* передает вневременность того мира, который временно доступен живому человеческому глазу:

*Для кого расцвела ты, красавица вод?
Этой розы **никто никогда** не сорвет.
В водяной лепесток – лишь глядится живой,
Этой розе дивясь мировой (2, с. 153).*

Повтор местоимения *никогда* в стихотворении «Песня араба» в сочетании с однокоренным глаголами разного вида и времени соединяет в одну нить трагическую судьбу поэта:

*Он пел: «Я любил красоту. А любила ль она,
О том **никогда** я не знал, **никогда** не узнаю» (2, с. 159).*

Местоимение нигде. Беседа с Солнцем, поэт обращается к нему вопросом и получает неоднозначный, двоякий ответ, отражающий раздвоенность сознания лирического героя и романтическое двоимирие:

*– Где ж твой тихий угол? – Нет его **нигде**.
Он лишь там, где взор твой устремлен к звезде.
Он лишь там, где светит луч твоей мечты.
Только там, где солнце. Только там, где ты (2, с. 112).*

ВЫВОДЫ

Изученный материал позволяет сделать следующие выводы о роли отрицательных местоимений в творчестве К. Бальмонта. Отрицательные местоимения являются одним из средств выражения категории отрицания в поэзии Константина Дмитриевича. Их семантическая значимость осознается поэтом и подчеркивается лексическими повторами или использованием сочетания отрицательных местоимений. По выражаемому смыслу отрицательные местоимения могут выходить за рамки лингвоцентричности в антропоцентричность и отражать внутренние духовные искания лирического героя. Метафизика отрицания,

заклученная в префиксе *ни-*, чрезвычайно важна для поэта и противопоставлена обобщенности. Она взаимосвязана с забвением, небытием. Антиномия *всё – ничто* в поэтическом мире К. Бальмонта опирается на китайскую традиционную философию – даосизм и философию Ницше и перекликается с антиномией *да – нет*. Особо значимым для поэта является местоимение *ничто*, которое становится именем собственными и обозначает философскую категорию. Таким образом, можно говорить о том, что в индивидуально-авторской парадигме К. Бальмонта отрицательные местоимения занимают важное место, становясь частью дуалистической символистской философии автора. Ядром категории небытия выступает Ничто. В дальнейшей перспективе необходимо более глубоко исследовать соотношение утверждения и отрицания и их связь с бытийностью в лирике К. Бальмонта, а также рассмотреть семантические параллели в поэзии других представителей Серебряного века.

Список литературы

1. *Азарова Н. М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). – М.: Гнозис/Логос, 2010. – 496 с.
2. *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1990. – 397 с.
3. *Воропаев Д. Н.* Смысл понятия «Ничто» в истории европейской философии: Гегель, Хайдеггер, Сартр // Манускрипт. – 2016. – №11–1 (73). – С. 40–43.
4. *Горшкова Л. А.* Неопределенные местоимения в художественном тексте // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГОУ, 2004. – С. 142–145.
5. *Калугина Т. В.* Пронаминально-предикативные контаминанты современного русского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2001. – № 23. – С. 210–214.
6. *Мякишева О. В.* «Нарращение» или создание смысла в тексте (на материале функционирования местоимений в текстах одного автора) // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – №2. – С. 287–301.
7. *Пороль П. В.* Образ Китая в стихотворении К. Бальмонта «Великое Ничто» // *Litera*. – 2020. – №9. – С. 1–10.
8. *Сидоренко Е. Н.* Очерки по теории местоимений современного русского языка. – К.; Одесса: Лыбидь, 1990. – 148 с.
9. *Цыкунова Г. В.* Религиозные и философские идеи, мотивы, образы в художественном мире К. Д. Бальмонта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 28 с.

References

1. *Azarova N. M.* *Jazyk filosofii i jazyk poezii – dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst)* [The language of philosophy and the language of poetry – a movement towards (grammar, vocabulary, text)]. М., Gnozis/Logos, 2010. 496 p.
2. *Bal'mont K. D.* *Stihotvorenija* [Poems]. М., Hudozh. lit., 1990. 397 p.
3. *Voropaev D. N.* *Smy'sl ponyatiya «Nichto» v istorii evropejskoj filosofii: Gegel', Hajdegger, Sartr* [The meaning of the concept of "Nothing" in the history of European philosophy: Hegel, Heidegger, Sartre]. Manuscript. 2016. №11–1 (73). Pp. 40–43.
4. *Gorshkova L. A.* *Neopredelennye mestoimenija v hudozhestvennom tekste* [Indefinite pronouns in a literary text]. Racional'noe i jemocional'noe v jazyke i rechi: sredstva i sposoby vyrazhenija: Mezhhuz. sb. nauch. tr. М., MGOU Publ., 2004. Pp. 142–145.
5. *Kalugina T. V.* *Pronominal'no-predikativnye kontaminanty sovremennogo russkogo jazyka*

[Pronominal-predicative contaminants of the modern Russian language]. Kul'tura narodov Prichernomor'ja. Simferopol', 2001. № 23. Pp. 210–214.

6. Mjaksheva O. V. «*Narashhenie*» ili sozdanie smysla v tekste (na materiale funkcionirovanija mestoimenij v tekstah odnogo avtora) ["Building up" or creating meaning in the text (based on the material of the functioning of pronouns in the texts of one author)]. Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2015. №2. Pp. 287–301.
7. Porol' P. V. *Obraz Kitaja v stihotvorenii K. Bal'monta «Velikoe Nichto»* [The image of China in K. Balmont's poem "The Great Nothing"]. Litera, 2020. №9. Pp. 1–10.
8. Sidorenko E. N. *Očerki po teorii mestoimenij sovremennogo russkogo jazyka*. [Essays on the theory of pronouns of the modern Russian language]. K. ; Odessa: Lybid', 1990. 148 p.
9. Cykunova G. V. *Religiozny'e i filosofskie idei, motivy, obrazy v hudozhestvennom mire K. D. Bal'monta* [Religious and philosophical ideas, motives, images in the artistic world of K. D. Balmont]. Avtoref. dis. ... kand.filol.nauk. M., 2005. 28 p.

NEGATIVE PRONOUNS IN THE POETRY OF K. BALMONT

Kalugina T. V.

The article examines the functioning of negative pronouns in the poetry of K. D. Balmont. The object of consideration in this article will be only negative pronouns, such as nobody, no one, nothing, nowhere, since the author considers the other similar words to be a separate lexico-grammatical category combining the signs of pronouns and impersonal predicative words and exclude them from the category of negative pronouns. Comparing linguocentric and anthropocentric approaches to negative pronouns, the author comes to conclusion about the complicated semantic structure in the poetic text. Denial and oblivion in the poetic world of K. Balmont are closely connected. The lyrical hero strives to get the oblivion inherent in the natural element. Such techniques characteristic of K. Balmont as lexical repetition and combinations of negative pronouns are revealed. The interrelation of negative pronouns as a means of expressing the category of negation and the dualistic philosophy of the poet is shown. The metaphysics of negation contained in the prefix ni- is extremely important for the poet and is opposed to generality. It is interconnected with oblivion, non-existence. The antinomy of everything – nothing in the poetic world of K. Balmont is based on the Chinese traditional philosophy – Taoism and echoes the antinomy of yes – no.

Keywords: pronouns, negative pronouns, K. Balmont, great Nothingness, lyrical hero, textual meaning.